

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

ТЕССА
ДЭР

Леди
полудня

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д94

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tessa Dare

A LADY BY MIDNIGHT

Перевод с английского *И.П. Родина*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group, a division
of Random House Inc.

и литературного агентства Nova Littera SIA.

Дэр, Тесса.
Д94 Леди полуночи : роман / Тесса Дэр ; [пер. с англ.
И.П. Родина]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-089450-5

Много лет назад капрал Сэмюел Торн поклялся в случае опасности отдать жизнь за Кейт Тейлор — так разве ему сложно сыграть роль любящего жениха, чтобы защитить ее от чересчур назойливого внимания не внушающих доверия и непонятно откуда явившихся родственников?

Однако постепенно игра становится реальностью, и Сэмюел сгорает от страсти к своей «невесте» — сгорает, считая, что его любовь обречена, и даже не подозревая, что все эти годы Кейт тайно любила его всем сердцем, но не смела и надеяться на взаимность сурового, мужественного солдата...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-089450-5

© Eve Ortega, 2012
© Перевод. И.П. Родина, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Лето 1814 года

Капрал Торн мог заставить трепетать любую женщину, даже на расстоянии, даже находясь в другом конце зала.

Неудобный, причиняющий беспокойство дар, как казалось Кейт Тейлор.

Мужчина даже не попытался как-то обратить на себя внимание, отметила она с унынием. Просто уверенным шагом вошел в «Бык и цветок», занял стул у бара и установил в свою оловянную кружку, повернувшись к залу широкой массивной спиной. Он не сказал ни единого слова, ни на кого даже не взглянул, но у бедной мисс Элиот задрожали пальцы, лежавшие на клавишах рояля.

— О, я не могу! — прошептала девушка. — Я не могу петь в его присутствии.

Еще один музыкальный урок пошел прахом.

Всего лишь год назад Кейт не испытывала таких проблем. В то время Спидл-Коув населяли преимущественно женщины, а «Бык и цветок» представлял собой интригующе оригинальное заведение, в котором подавали глазированные пирожные и пироги с вареньем. Но с момента, когда было организовано местное ополчение, заведение стало одновременно служить и местом встреч дам за чаем, и пивной для мужчин.

Кейт была ничуть не против такого положения дел. Вот только соседство с капралом Торном... Казалось, что его суровая задумчивость заполняла собой весь зал.

— Давай попытаемся еще раз, — предложила она ученице, заставив себя не обращать внимания на грозный силуэт, постоянно попадавший в поле зрения. — Прошлый раз у нас все получилось.

Вспыхнув, мисс Элиот сцепила руки на коленях.

— Я никогда не сумею сыграть правильно.

— Сумеешь. Все дело в практике, и ты не одна. Мы вместе поработаем над дуэтом и подготовимся к выступлению на субботнем вечере.

При упоминании о представлении девушка раскраснелась еще сильнее.

Анабел Элиот была очаровательной юной леди, изящной и белокурой. Вот только смущалась слишком легко. Стоило ей понервничать или слегка возбудиться, и щеки у нее начинали багроветь как от грубой пощечины. А нервничала и волновалась она практически постоянно.

Некоторые из молодых дам приезжали в Спиндл-Коув, чтобы избавиться от излишней стыдливости, или чтобы справиться с соблазном, или чтобы научиться преодолевать приступы внутреннего жара. Мисс Элиот прислали к ним с другой целью: девушке нужно было излечиться от панического страха перед сценой.

Позанимавшись с ней какое-то время, Кейт поняла, что трудности, возникшие перед мисс Элиот, не имеют никакого отношения ни к нехватке таланта, ни к недостаткам в подготовке: девушке просто требовалось обрести веру в себя.

— Может, нам разучить что-нибудь новенькое? — предложила Кейт. — Я вдруг обнаружила, что новая музыкальная вещица поднимает мне настроение лучше, чем новая шляпка. — У нее внезапно возникла идея. — На этой неделе съезжу в Гастингс за нотами и посмотрю, что там можно найти.

По правде говоря, она собиралась отправиться туда вовсе не с этой целью: надо было нанести кое-кому визит, — но все откладывала, а покупка нот очень удобный предлог.

— Не знаю, и что я такая глупая! — сокрушалась полная смущения девушка. — Ведь столько лет училась у хороших преподавателей. И люблю играть на пианино. Правда-правда. Но когда появляются слушатели, впадаю в оцепенение. Я просто безнадежна.

— Никакая ты не безнадежная: безнадежных вообще не бывает.

— Мои родители...

— Твои родители тоже не верят, что ты безнадежна, иначе не прислали бы тебя сюда, — заявила Кейт.

— Им очень хотелось, чтобы сезон у меня прошел успешно. Вы не представляете, какое давление они на меня оказывали. Мисс Тейлор, вам не понять, на что это похоже.

— Пожалуй, — призналась Кейт. — Наверное, мне просто не дано.

Мисс Элиот подняла на нее глаза, полные горя.

— О, извините. Мне так жаль! Я не это хотела сказать... Очень неосмотрительно с моей стороны.

Кейт отмахнулась от ее извинений:

— Не говори глупости! Это правда. Я ведь круглая сирота. Ты абсолютно права: я действительно не знаю, что такое иметь родителей, которые связывают с тобою далеко идущие планы и грандиозные надежды.

«Хотя я отдала бы все на свете, чтобы испытать подобное даже один-единственный раз...»

Она продолжила:

— Но я совершенно точно знаю, что здесь ты среди друзей. Мы тут все немного необычные. Просто не забывай, что все в этой деревне на твоей стороне.

— Все?

Подозрительный взгляд мисс Элиот метнулся к огромному мужчине, сидевшему в уединении за стойкой бара.

— Он такой большой, — шепнула девушка. — И такой страшный. Каждый раз, когда я начинаю играть, он морщится.

— Не принимай это на свой счет. Он человек военный, а ты знаешь, как на них повлияли все эти взрывы и стрельба. — Подбадривая, Кейт похлопала девушку по руке. — И не думай о нем. Просто держи голову высоко, улыбайся и играй.

— Я попытаюсь, но... Но ведь его трудно не заметить.

Да. Так оно и было. Еще бы Кейт не знать этого!

Даже если капрал Торн и отличался полным равнодушием к ней, она все равно не смогла бы отрицать, что его присутствие оказывает на нее воздействие. Кожу начинали колоть тысячи иголок, когда Торн находился рядом, а в те редкие моменты, когда обращал на нее внимание, его взгляд словно пронзал до костей.

— Выше подбородок, — тихо напомнила она мисс Элиот и самой себе. — И продолжай улыбаться.

Кейт начала играть финал дуэта, но когда подошел момент вступить Анабел, та сбилась.

— Прошу прощения, я просто... — едва ли не шепотом пролепетала девушка.

— Он опять поморщился?

— Нет, хуже: на этот раз пожал плечами.

В некотором раздражении Кейт повернулась и метнула взгляд в сторону стойки.

— Ничего подобного.

Мисс Элиот закивала:

— Нет, правда. Просто ужас какой-то.

Это стало последней каплей: ладно, он не обращал внимания на ее учениц, морщился, — но пожимать плечами... это уж слишком.

— Я сейчас же поговорю с ним. — Кейт поднялась с табурета.

— О, не надо! Умоляю вас.

— Все будет в порядке, — заверила ее Кейт. — Я его не боюсь. Он, может, и груб, но, думаю, не кусается.

Она пересекла комнату и остановилась, едва ли не касаясь его плеча, набралась решимости, чтобы постучать пальцем по эполету с кисточками на кителе красного цвета.

Почти набралась, но...

Однако вместо этого откашлялась, прочищая горло.

— Капрал Торн?

Он обернулся.

Ей еще не доводилось встречать мужчину, который выглядел бы так сурово. Лицо, будто вырубленное из камня, представляло собой набор острых углов и необработанных поверхностей, словно местность, на которой она не видела ни укрытия, ни укромного уголка, где можно было бы спрятаться. Рот зловещий и узкий, как порез. Темные брови недовольно нахмурены. А вот глаза... глаза такие голубые, каким бывает лед на реке холодной зимней ночью в полнолуние.

«Выше подбородок! И улыбайся!»

— Как вы могли заметить, — начала Кейт как можно легкомысленнее, — я тут даю урок музыки.

Ни слова в ответ.

— Видите ли, мисс Элиот очень нервничает, когда приходится играть в присутствии посторонних.

— Вы хотите, чтобы я ушел?

— Нет! Не хочу. — Кейт удивил собственный ответ.

Просто так она его не отпустит: он и так всегда уходил — это у них была такая манера общения время от времени. Кейт собрала в кулак всю решимость и постаралась выглядеть дружелюбной. Он всегда находил причину, чтобы тут же выйти из комнаты. То была странная игра, от которой она уже устала.

— Я не прошу вас уйти, напротив: мисс Элиот нужно привыкнуть играть на публике. Мы собираемся выступить дуэтом, так что я приглашаю вас стать нашим зрителем.

Он в некотором недоумении разглядывал ее и молчал.

Кейт уже давно привыкла к бесцеремонным взглядам: знакомясь с кем-либо, всегда болезненно ощущала, как рассматривают отчетливую багровую отметину у нее на виске. Годами Кейт пыталась маскировать родимое пятно, скрывая его то под шляпой с широкими полями, то под искусно уложенными локонами, но все безрезультатно. Постепенно ей пришлось научиться забывать о внутренней боли. Со временем она перестала быть просто родимым пятном перед их глазами, превратившись в женщину с родимым пятном. И в конце концов они начали видеть перед собой просто Кейт.

Взгляд капрала Торна был абсолютно другим. Кейт не могла до конца понять, кем он считает ее, и поэтому чувствовала в себе неуверенность, слово шагала по лезвию бритвы. И все-таки, внутренне собравшись, чтобы сохранить равновесие, рискнула предложить:

— Оставайтесь, оставайтесь и послушайте нас, а мы постараемся сыграть как можно лучше. Если захотите, топайте в такт ногой, подбодрите немного мисс Элиот. Удивите меня, проявив капельку сочувствия.

Вечность прошла, прежде чем он дал ответ — резкий и лаконичный:

— Я ухожу.

Поднявшись, Торн кинул монету на стойку и, ни разу не оглянувшись, вышел вон.

Когда выкрашенная в красный цвет дверь повернулась на смазанных петлях и с издевательским стуком захлопнулась за ним, Кейт покачала головой: этот тип просто невозможен.

За пианино мисс Элиот подвела краткий итог их диалогу, быстро отбарабанив арпеджио.

— Полагаю, одна проблема решена. — Кейт, как всегда, пыталась видеть во всем положительную сторону. Ведь безнадёжных ситуаций не существует!

Появился мистер Фосбери, чтобы забрать кружку Торна, а вместо нее поставить чашку с чаем для Кейт. Прозрачный кружок лимона порадовал глаз, а донесшийся вместе с теплым парком аромат бренди согрел. Супруги Фосбери всегда были очень добры к ней, но настоящую семью заменить не могли, поэтому надо продолжать поиски. И Кейт их продолжит: и не важно, сколько еще дверей захлопнется у нее перед носом.

— Надеюсь, мисс Тейлор, вы не приняли близко к сердцу грубые манеры Торна.

— Кто, я? — Кейт заставила себя небрежно рассмеяться. — Я не настолько чувствительна, чтобы переживать из-за какого-то невежды. И вот о чем я вас хочу попросить, мистер Фосбери...

— Все, что вашей душеньке угодно, мисс Тейлор.

— В следующий раз, когда мне захочется протянуть капрану Торну оливковую ветвь дружбы... — Вскинув бровь, Кейт лукаво улыбнулась хозяину заведения. — Напомните, чтобы вместо этого я треснула его ею по башке.

Глава 2

— Еще чаю, мисс Тейлор?

— Нет, спасибо. — Стараясь не морщиться, Кейт глотнула бледно-желтой жидкости. Заварку использовали раза

три как минимум: у чайнок уже смыло память о том, что когда-то они были полноценными чайными листьями.

Все один к одному: смытая память как неотъемлемая часть нынешнего дня.

Мисс Парем отставила свою чашку.

— Где, вы сказали, поселились?

Кейт улыбнулась седовласой женщине, разместившейся в кресле напротив.

— В Спиндл-Коув. Эта деревушка — популярное место отдыха для молодых девушек из хороших семей. Я там зарабатываю на жизнь уроками музыки.

— Рада узнать, что преподавание обеспечивает вам праведный доход. В вашей ситуации об этом оставалось только мечтать.

— Да, верно. Мне очень повезло.

Отставив в сторону то, что с трудом можно было назвать чаем, Кейт украдкой взглянула на часы на каминной полке. Времени оставалось в обрез. Ей страшно не хотелось тратить время на любезности, когда у нее на языке вертелось столько вопросов. Но если резко поменять тему, она вряд ли сумеет получить нужные ей ответы.

У нее на коленях лежал сверток, перетянутый бечевой, под которую она засунула пальцы.

— Я так удивилась, узнав, что вы устроились здесь. Представляете, моя старая школьная учительница — она уже на пенсии — живет в нескольких часах езды от меня. Я не могла не напомнить о себе визитом. У меня сохранились самые добрые воспоминания о годах, проведенных в школе Маргит.

Мисс Парем приподняла бровь.

— Неужели?

— О да. — Кейт порылась в памяти в поисках подходящего примера. — Бывает, я скучаю по нашему супу, такому питательному. Иногда мне не хватает занятий по благочестию. В последнее время так трудно найти пару свободных часов, чтобы спокойно почитать что-нибудь духовное.

Кейт прекрасно отдавала себе отчет, что ее сиротская доля оказалась счастливее, чем у многих других. Атмосферу в школе для девочек можно было бы назвать аскетиче-

ской, но ее никто не бил, не морил голодом, не заставлял ходить в лохмотьях. Кейт завела подруг, получила образование. Но самое главное, ее научили музыке, и она добилась в этом кое-каких успехов.

В самом деле, ей грех было жаловаться. Школа дала Кейт все необходимое за исключением одного-единственного: любви.

За все годы, проведенные там, она так и не почувствовала себя любимой. Другой ребенок в такой ситуации вырос бы черствым, озлобленным, но Кейт просто не была создана для страданий и переживаний. Конкретных воспоминаний у нее не сохранилось, но в душе отложились какие-то неясные впечатления, связанные со временем еще до Маргита. Какие-то отдаленные отголоски счастья, эхом отзывавшиеся в каждом движении сердца.

Когда-то давно ее любили, Кейт знала это совершенно точно. Она не могла связать свои ощущения с каким-то определенным именем или человеческим лицом, но от этого ее чувства не становились менее реальными. Давным-давно она не была одна, у нее имелась семья, дом... Женщина, сидевшая напротив, была ее последней надеждой восстановить связь с прошлым.

— Вы помните тот день, когда я появилась в школе, мисс Парем? Я, наверное, была совсем крохой.

Старая женщина поджала губы.

— Не старше пяти. У нас не имелось возможности удостовериться.

— Ну разумеется.

Никто не знал точную дату рождения Кейт, включая ее саму. В бытность учительницей мисс Парем приняла решение, что все сироты, которые учились в школе, будут отмечать свои именины в один день — 25 декабря, в Рождество. Ей казалось, что такая связь со Святым семейством должна была служить девочкам утешением, в то время когда другие воспитанницы разъезжались на праздник по домам, к родственникам.

Как бы то ни было, но Кейт усматривала в таком решении чисто практический мотив. Если все дни рождения приходились на Рождество, значит, не было смысла во-

обще отмечать их. Можно было не тратиться на дополнительные подарки. Каждое Рождество девочки, находившиеся на попечении школы, получали одни и те же подарки: апельсин, ленту, аккуратно сложенный кусок узорчатого муслина, — потому что мисс Парем не одобряла сладости.

С тех пор явно ничего не изменилось. Кейт попробовала кусочек сухого безвкусного бисквита, который был ей предложен, и вернула остальное на тарелку.

Часы на каминной полке, казалось, застучали быстрее. До отправления почтовой кареты на Спиндл-Коув оставалось каких-то двадцать минут. Если она опоздает к отходу, ей придется провести ночь в Гастингсе.

Она взяла себя в руки. Прочь все колебания!

— Кто они были? — спросила Кейт. — Вы знаете?

— О ком это вы?

— О моих родителях.

Мисс Парем фыркнула.

— Вы находились под опекой школы. У вас не было родителей.

— Я это понимаю, — улыбнулась Кейт, пытаясь казаться несерьезной. — Но меня же не вывели из яйца, не так ли? И не нашли в капусте. Ведь у меня когда-то была мать, был и отец. По крайней мере, в течение пяти лет. Я настойчиво пыталась вспомнить хоть что-нибудь, но все мои воспоминания такие зыбкие и неуловимые, кроме одного: ощущения беззаботности. Помню что-то голубое: возможно, стены в комнате, но не уверена. — Двумя пальцами она стиснула переносицу и нахмурилась, заметив спутанную бахрому на ковре. — Может, мне так отчаянно хочется вспомнить хоть что-нибудь, что я начинаю фантазировать.

— Мисс Тейлор...

— В основном я вспоминаю звуки. — Кейт закрыла глаза, вслушиваясь в себя. — Звуки не сопровождаются картинками. Кто-то говорит мне: «Будь храброй, моя Кэти». Это голос мамы? Или отца? Те слова врезались в мою память, но, сколько ни старалась, лиц я так и не увидела. А еще звуки музыки: кто-то играл на фортепиано, причем непрерывно, — и песенка...

— Мисс Тейлор!

Когда старая учительница повторила ее имя, голос у нее треснул: не так, как лопается фарфоровая чашка, а резко, как ударяет хлыст.

Инстинктивно Кейт выпрямилась в кресле.

Острый взгляд пронзил ее.

— Мисс Тейлор, я категорически советую вам воздержаться от дальнейших розысков.

— Разве это возможно? Вы должны меня понять. Всю жизнь я хотела получить ответы на эти вопросы, хотя всегда слушалась ваших советов и вполне довольна своей судьбой. У меня есть друзья, мне есть на что жить, я занимаюсь любимым делом — музыкой, но до сих пор не знаю правды. Мне известно, что моих родителей нет в живых, но, возможно, остались какие-то родственники... Может, вспомните какие-то детали... имя, название города...

Старуха резко стукнула палкой об пол.

— Мисс Тейлор, даже если бы у меня были сведения, которыми я могла бы поделиться с вами, я никогда бы этого не сделала, а унесла бы их с собой в могилу.

Кейт откинулась на спинку кресла.

— Но... почему?

Мисс Парем ничего не ответила — лишь тонкие сухие губы сложились в недовольную гримасу.

— Вы никогда меня не любили, — вдруг прошептала Кейт. — Я знала это. Вы всегда давали мне понять через разные мелочи, не говоря напрямую, что доброта, которую вы проявляли, была вынужденной.

— Что ж, отлично! Ты права: я тебя никогда не любила.

Они смотрели друг на друга. Правда наконец вырвалась наружу.

Кейт изо всех сил старалась не показать, насколько разочарована и расстроена, но сверток с нотами, перевязанный бечевкой, соскользнул с колен. В ответ на это губы мисс Парем скривились в ехидной улыбке.

— И все-таки позволю себе спросить: за что вы меня осуждали? Я всегда была рада любой мелочи, которой меня дарили, не участвовала ни в каких проделках, не капризничала, а думала лишь об уроках, да и отметки получала прекрасные.

— Вот именно. Ты не проявляла смирения. Вела себя так, словно имела такое же право быть счастливой, как любая другая девочка в школе: все время пела и улыбалась.

Слова показались Кейт настолько абсурдными, что она не выдержала и рассмеялась.

— Так вы не любили меня потому, что я слишком много улыбалась? Значит, мне нужно было ходить с постным лицом и погруженной в раздумья?

— Стыдись! — выкрикнула мисс Парем. — Дитя греха должно жить с постоянным чувством стыда.

Кейт онемела. Дитя греха?

— О чем вы говорите? Меня уверяли, что я сирота, что мои родители умерли...

Мисс Парем наставила на нее сухой указательный палец:

— Порочное создание! Это понятно без слов. Сам Господь Бог пометил тебя. — Кейт, не в силах вымолвить ни слова, дотронулась дрожащей рукой до своего виска и кончиками пальцев бессознательно поковыряла отметину, как делала всегда, даже когда была маленькой девочкой, словно пытаясь соскоблить ее с кожи. Всю жизнь ей хотелось верить, что она любимое дитя, чьи родители безвременно погибли. Какой ужас думать, что тебя, нежеланную, просто выбросили за порог!

Пальцы замерли на родимом пятне. Может, от нее отказались из-за этого.

— Дуреха! — скрипуче засмеялась старуха. — Мечтала о сказочных чудесах, да? Думала, что однажды в дверь к тебе постучится посланец, который объявит, что ты принцесса, пропавшая давным-давно?

Кейт приказала себе оставаться спокойной. Понятно, что мисс Парем — старая, побитая жизнью женщина, которая не может видеть людей счастливыми.

Остаться здесь она больше не собиралась, как не собиралась и тешить самолюбие злобной старой девы собственным замешательством.

Кейт подняла с пола сверток с нотами.

— Сожалею, что побеспокоила вас, мисс Парем, но мне пора. Можете больше ничего не говорить.

— Нет, скажу, грубиянка ты эдакая! Дожила до двадцати трех лет, но так ничего и не поняла. Вижу, что должна преподнести тебе еще один, последний урок.

— Пожалуйста, не утруждайтесь. — Встав из кресла, Кейт сделала короткий реверанс, потом выпрямилась, вздернула подбородок и изобразила на лице дерзкую улыбку: — Благодарю вас за чай. Мне действительно нужно идти, чтобы не опоздать на почтовую карету. Я сама найду выход.

— Наглая мерзавка! — Старуха неожиданно вскочила и ударила ее своей палкой по колену.

Кейт, уже подходившая к дверям гостиной, покачнулась.

— Вы меня стукнули... Поверить не могу!

— Это нужно было сделать еще много лет назад, чтобы сбить эту мерзкую улыбку с твоего ненавистного лица.

Кейт оперлась плечом на дверной косяк: унижение было куда сильнее физической боли. Захотелось упасть на пол и свернуться в маленький комочек, но она понимала, что нужно бежать из этого дома. Более того, нужно убежать от ее слов, от этих кошмарных, невысказанных слов, которые, помимо отметин снаружи, оставят шрамы внутри.

— Всего вам доброго, мисс Парем. — Она перенесла тяжесть тела на ноющее колено и перевела дух. Дверь на улицу была в нескольких шагах.

— Ты никому не будешь нужна. — Голос старухи сочился ядом. — Никто не захочет тебя никогда.

«Такой найдется, — твердило ей сердце. — Непременно!»

— Не надейся! — Злоба душила старуху, и она снова замахнулась.

Палка грохнулась о косяк, но в этот момент девушка уже отпирала задвижку на входной двери. Подобрав юбки, она выскочила на каменную мостовую, поскользываясь и спотыкаясь на бегу. Застроенные лавками и постоянными дворами улицы Гастингса были узкими и извилистыми, так что старуха с мрачным лицом ее не догонит. И все равно она бежала вперед не останавливаясь.

Бежала, даже не задумываясь, в каком направлении несется, лишь бы подальше. Может, если припустить еще сильнее, правда никогда ее не настигнет?

Когда Кейт повернула в сторону конюшен, послышались удары церковного колокола, и у нее все сжалось внутри от страха.

Один, два, три, четыре...

«О нет! Остановись! Не звони больше...»

Пять!

У нее упало сердце. Должно быть, часы мисс Парем отставали. Она опоздала. Почтовая карета уже уехала, а следующая не будет до утра.

И пусть летние дни сейчас самые длинные, но через несколько часов ночь все равно наступит. Почти все свои деньги она истратила на ноты, оставив только на обратный проезд, так что платить за ночлег на постоялом дворе и еду ей нечем.

Кейт стояла столбом в уличной толпе. Люди толкали ее, обходя со всех сторон, и никому не было до нее дела. Никто ей не поможет. Холодное, черное отчаяние охватило ее.

Оправдались ее самые худшие опасения. Она осталась в одиночестве. Не только на эту ночь, навсегда! Собственная родня бросила ее много лет назад. Никому она не нужна. Так и умрет, всеми забытая. Будет доживать жизнь в каком-нибудь тошнотворном пансионе, как мисс Парем, и пить трижды спитой чай, заедая его собственной злобой на весь белый свет.

«Будь храброй, моя Кэти!»

Всю жизнь она цеплялась за память об этих словах как за средство спасения. Кейт поверила, что они означают, будто где-то есть кто-то к ней небезразличный. Она не должна глушить в себе этот голос. Паническое настроение совсем ей не свойственно и ни к чему хорошему не приведет.

Кейт закрыла глаза, сделала глубокий вдох и мысленно оценила ситуацию. Она умна, талантлива, молода и, слава богу, здорова. И никто не сможет у нее это забрать, даже злая, трясушаяся старая дева со своей клюкой и помоями вместо чая.

Ведь есть же какое-то решение. Может, продать что-нибудь? Например, накидку из розового муслина, обшитую лентами и кружевами, — подарок одной из учениц...